

ФАКТОРЫ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОФИЛЕЙ В КАЗАХСТАНЕ

Жанар ЕРМЕКБАЕВА

*Институт прикладных этнополитических исследований, Астана, Казахстан
zhanar1721@gmail.com*

Ссылка на данную статью: Еремекбаева Ж.К. Факторы и аналитическая типология интеграционных профилей в Казахстане // *SOCIOLOGY.KZ*. – 2026. – №3(3). – С.68 – 86.
<https://doi.org/10.48010/2026.3/sskz.28>

Аннотация. В статье исследуется внутренняя социальная неоднородность қандастар в Казахстане и предлагается рабочая аналитическая типология интеграционных профилей. Эмпирическую основу составляют агрегированные результаты комплексного исследования Института прикладных этнополитических исследований 2021 года, включавшего массовый опрос 4000 репатриантов в 17 регионах, глубинные интервью и медиа-мониторинг. В настоящей статье количественные распределения используются для вторичного анализа экономического, жилищного, социального, институционального и субъективного измерений интеграции. Показано, что высокая локальная принадлежность и позитивная самооценка адаптации сосуществуют со значительной доходной уязвимостью, жилищными различиями и барьерами трудоустройства. Выбор региона проживания преимущественно определяется родственными и земляческими сетями, тогда как возможности занятости занимают второстепенное место. Это указывает на двойственную роль социального капитала: он снижает издержки первичной адаптации, но не гарантирует устойчивой экономической включённости. На основе сочетания ресурсности, субъективной адаптации и институциональных ограничений предложены четыре идеальных типа: ресурсно-устойчивый, адаптированный при ограниченной ресурсности, экономически включённый при институциональных барьерах и уязвимый. Типология не является результатом статистической кластеризации микроданных, она представляет аналитическую модель, предназначенную для последующей эмпирической проверки. Научный вклад работы состоит в переходе от усреднённого описания положения қандастар к объяснению внутригрупповой дифференциации, а практический – в обосновании адресной настройки мер поддержки с учётом профиля интеграции и регионального контекста.

Ключевые слова: қандастар, репатрианты, социальная дифференциация, интеграция, человеческий капитал, социальный капитал, региональные различия, аналитическая типология.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҚАНДАСТАРДЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК САРАЛАНУЫ: ФАКТОРЛАР ЖӘНЕ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ ПРОФИЛЬДЕРДІҢ АНАЛИТИКАЛЫҚ ТИПОЛОГИЯСЫ

Жанар ЕРМЕКБАЕВА

Қолданбалы этносоаяси зерттеулер институты, Астана, Қазақстан

SOCIAL DIFFERENTIATION OF QANDAS IN KAZAKHSTAN: FACTORS AND AN ANALYTICAL TYPOLOGY OF INTEGRATION PROFILES

Zhanar YERMEKBAYEVA

Institute of Applied Ethnopolitical Research, Astana, Kazakhstan

Аңдатпа. Мақалада Қазақстандағы қандастардың ішкі әлеуметтік әркелкілігі зерттеліп, интеграциялық профильдердің жұмысшы аналитикалық типологиясы ұсынылады. Эмпирикалық негіз ретінде Қолданбалы этносоаяси зерттеулер институтының 2021 жылғы кешенді зерттеуінің жинақталған нәтижелері пайдаланылды. Зерттеу 17 өңірдегі 4000 репатриантқа жүргізілген жаппай сауалнаманы, тереңдетілген сұхбаттарды және медиа-мониторингті қамтыған. Осы мақалада сандық үлестірімдер интеграцияның экономикалық, тұрғын үй, әлеуметтік, институционалдық және субъективті өлшемдерін қайталама талдау үшін қолданылады. Нәтижелер жергілікті қауымдастыққа жоғары тиесілілік сезімі мен бейімделудің бағалау табыс деңгейінің осалдығымен, тұрғын үй жағдайындағы өңірлік айырмашылықтармен және жұмысқа орналасу кедергілерімен қатар жүретінін көрсетеді. Тұратын өңірді таңдау көбіне туыстық және жерлестік желілерге сүйенеді, ал еңбек нарығының мүмкіндіктері екінші орында қалады. Бұл әлеуметтік капиталдың екіжақты рөлін айқындайды: ол бастапқы бейімделу шығындарын азайтады, бірақ тұрақты экономикалық кірігуді автоматты түрде қамтамасыз етпейді. Ресурстық жағдай, субъективті бейімделу және институционалдық кедергілердің үйлесімі негізінде төрт идеалдық тип ұсынылады: ресурстық тұрғыдан тұрақты, ресурстары шектеулі болғанымен бейімделген, экономикалық тұрғыдан кіріккен, бірақ институционалдық кедергілері бар, осал профиль.

Abstract. This article examines internal social heterogeneity among qandas in Kazakhstan and develops a working analytical typology of integration profiles. The empirical basis is the aggregated output of a 2021 mixed-method study conducted by the Institute of Applied Ethnopolitical Research, which included a face-to-face survey of 4,000 returnees in 17 regions, in-depth interviews, and media monitoring. The present analysis uses published quantitative distributions to examine the economic, housing, social, institutional, and subjective dimensions of integration. The findings show that a strong sense of local belonging and positive self-assessments of adaptation coexist with income vulnerability, regional disparities in housing security, and employment-related barriers. Region-of-residence choices are shaped primarily by kinship and co-ethnic networks, while labor-market opportunities play a secondary role. This pattern reveals the ambivalent function of social capital: it reduces the costs of initial adaptation but does not by itself secure sustainable economic incorporation. Combining resource position, subjective adaptation, and institutional constraints, the article proposes four ideal types: resource-secure, adapted with limited resources, economically incorporated but institutionally constrained, and vulnerable. The typology is not presented as the outcome of statistical clustering of microdata, it is an analytical model designed for subsequent empirical validation.

Ұсынылған типология микродеректерді статистикалық кластерлеудің нәтижесі емес, кейін эмпирикалық тексеруге арналған аналитикалық модель болып табылады. Зерттеудің ғылыми үлесі қандастардың орташа жағдайын сипаттаудан топшiлiк саралануды түсіндіруге көшуімен, ал практикалық маңызы қолдау шараларын интеграциялық профиль мен өңірлік контекстке қарай нақтылауды негіздеуімен айқындалады.

Түйінді сөздер: қандастар, репатрианттар, әлеуметтік саралану, интеграция, адами капитал, әлеуметтік капитал, өңірлік айырмашылықтар, аналитикалық типология.

The study contributes to the literature by shifting attention from an average portrait of qandas to mechanisms of within-group differentiation.

Its policy relevance lies in supporting targeted measures tailored to different integration profiles and regional opportunity structures.

Keywords: qandas, return migrants, social differentiation, integration, human capital, social capital, regional disparities, analytical typology.

Введение

Репатриация этнических казахов является одним из наиболее продолжительных направлений миграционной и демографической политики независимого Казахстана. Возвращение на историческую родину институционально оформляется через правовой статус, меры государственной поддержки и региональные механизмы расселения. Однако формальное включение в государственные программы не означает автоматического достижения устойчивой социальной интеграции. При сходных условиях переселения одни группы қандастар относительно быстро закрепляются на рынке труда, приобретают жильё и расширяют социальные связи, тогда как другие сохраняют зависимость от семейных сетей, сталкиваются с низкими доходами, несоответствием квалификации занятости и затруднённым доступом к услугам.

Эта неоднородность требует смещения исследовательского фокуса. Вопрос о том, «насколько успешно интегрированы қандастар в целом», недостаточен, поскольку средние показатели сглаживают различия между группами и измерениями интеграции. Высокая субъективная адаптация может сочетаться с экономической уязвимостью, наличие занятости – с институциональными барьерами, развитые родственные связи – с ограниченным доступом к более широким профессиональным и общественным сетям. Поэтому интеграцию целесообразно анализировать не как бинарный результат, а как многомерную конфигурацию ресурсов, ограничений и форм принадлежности [2, 3].

В настоящей статье под социальной дифференциацией қандастар понимаются устойчивые различия в экономической, жилищной, социальной, институциональной и субъективной включённости, возникающие вследствие неодинакового сочетания индивидуальных ресурсов, социальных сетей и региональных условий после переселения. Такое определение связывает стратификационную перспективу, ориентированную на распределение ресурсов и жизненных шансов, с исследованиями миграционной интеграции [2, 4–6]. Центральным становится вопрос не только о наличии ресурсов, но и об условиях их конвертации: одинаковый уровень образования или профессионального опыта может давать неодинаковую отдачу в зависимости от регионального рынка труда, языковой среды, доступности инфраструктуры и качества институционального сопровождения.

Исследования казахстанской репатриации подробно рассматривают государственную политику, правовой статус, расселение, роль организаций репатриантов, медийные дискурсы, культурно-языковую адаптацию и семейные связи [9–18]. Вместе с тем эти направления чаще анализируются раздельно, на отдельных региональных или социально-демографических группах. Недостаточно разработан подход, который позволял бы свести экономические, социальные, институциональные и субъективные показатели в общую объяснительную рамку и показать, какие сочетания достижений и дефицитов образуют различные профили интеграции. Именно этот пробел задаёт логику настоящей работы.

Цель статьи – выявить основные измерения социальной дифференциации кандастар в Казахстане и предложить аналитическую типологию интеграционных профилей на основе агрегированных результатов исследования ИПЭИ 2021 года. Исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: каким образом сочетание человеческого капитала, социальных сетей, институциональных барьеров и регионального контекста формирует различные конфигурации интеграции? Рабочее предположение состоит в том, что интеграция имеет асимметричный характер: субъективная и идентификационная включённость может опережать экономическую устойчивость, а поддерживающие сети способны одновременно облегчать первичную адаптацию и воспроизводить зависимость от узкого круга связей.

Научная новизна работы состоит в трёх положениях. Во-первых, социальная дифференциация рассматривается как самостоятельный объект анализа, а не как побочный результат описания проблем репатриантов. Во-вторых, предлагается рабочая типология, связывающая ресурсность, субъективную адаптацию и институциональные ограничения. В-третьих, уточняется роль социального капитала: его функция трактуется не только как поддерживающая, но и как потенциально ограничивающая расширение жизненных шансов. При этом статья сознательно разграничивает аналитическую типологизацию и статистическую кластеризацию: доступные агрегированные данные позволяют построить концептуально обоснованные идеальные типы, но не дают оснований утверждать, что их устойчивость подтверждена на уровне микроданных.

Теоретическая рамка и обзор исследований

Современные исследования миграционной интеграции отходят от линейной модели, в которой адаптация описывается как последовательное движение к ассимиляции. В многомерных моделях интеграция включает взаимосвязанные, но не синхронные домены: занятость, доход и жильё, доступ к образованию, здравоохранению и другим институтам, социальные связи, культурно-коммуникативные практики, безопасность и субъективное чувство принадлежности [2, 3]. Подход А. Агер и Э. Стрэнг особенно важен для настоящего анализа, поскольку различает «маркеры и средства» интеграции, социальные связи и институциональные условия. Такая схема позволяет объяснить ситуацию, когда позитивная идентификация с местным сообществом не устраняет материальных или административных барьеров.

Стратификационная перспектива дополняет эту рамку вопросом о распределении ресурсов. Человеческий капитал – образование, квалификация и профессиональный опыт – создаёт потенциальные преимущества, но его отдача

зависит от признания дипломов, структуры занятости и регионального спроса. Социальный капитал предоставляет информацию, поддержку и доступ к возможностям [4–6]. Вместе с тем сети неодинаковы по своей функции. Связывающие связи внутри семьи и земляческого круга обеспечивают доверие и взаимопомощь, мостовые связи соединяют человека с более широкими профессиональными и общественными группами, вертикальные связи облегчают взаимодействие с организациями и институтами [2, 7]. Избыток первого типа при дефиците второго и третьего способен закреплять человека в ограниченном сегменте возможностей.

Для этнической возвратной миграции особенно значим институциональный контекст «исторической родины». Символическое признание принадлежности сочетается с административными процедурами, региональными квотами и задачами территориального развития. Исследования казахстанского кейса показывают напряжение между демографическими целями государства, предпочтениями самих репатриантов и различиями региональных рынков труда [9, 11]. Организации кандастар могут выступать посредниками между переселенцами и институтами, расширяя доступ к информации и услугам, однако их возможности зависят от ресурсов и устойчивости организационной среды [10]. Медийные дискурсы также влияют на границы символического включения, закрепляя как поддерживающие, так и отчуждающие представления о репатриантах [12, 13].

В публикациях последних лет заметно расширилась эмпирическая повестка. Исследования рассматривают отношение к термину «кандас» и факторы социальной адаптации [14], роль семьи и транснациональных связей в адаптации студентов из Монголии и Китая [15], комплекс проблем интеграции в социологическом измерении [16], культурно-языковые трудности отдельных групп [17], а также региональные социальные практики и чувство принадлежности [18]. Эти работы подтверждают, что опыт репатриантов зависит от страны исхода, возраста, языковой компетентности, семейных контактов, локального сообщества и качества институционального взаимодействия. Одновременно они показывают фрагментарность поля: отдельные измерения хорошо описаны, но редко объединяются в модель внутригрупповой дифференциации.

В настоящей статье интеграционный профиль понимается как характерное сочетание трёх блоков: ресурсной позиции, степени субъективной и социальной включённости, а также выраженности институциональных барьеров. Такой подход не предполагает, что профили являются жёсткими и неизменными категориями. Напротив, они рассматриваются как идеальные типы, между которыми возможны переходы под воздействием занятости, жилищной стабилизации, расширения социальных связей, изменения региона проживания или повышения доступности услуг. Типологизация тем самым выполняет две функции: аналитическую – систематизирует наблюдаемую неоднородность, прикладную – связывает различные конфигурации проблем с различными наборами мер поддержки.

Методология

Эмпирическая база и дизайн исследования

Эмпирическую основу статьи составляют материалы комплексного социологического исследования Института прикладных этнополитических исследований «Социальная дифференциация репатриантов», проведённого в 2021 году [1]. Исходный проект был реализован в логике смешанных методов и включал массовый опрос, глубинные интервью с представителями репатриантского сообщества и контент-анализ материалов СМИ и социальных сетей с применением системы Alem Media Monitoring. Количественный этап проведён методом face-to-face и охватил N = 4000 респондентов в возрасте 18 лет и старше из числа репатриантов, проживавших в 17 регионах Казахстана по административно-территориальному делению на момент исследования.

Настоящая статья представляет вторичный анализ опубликованных агрегированных результатов исследования. Основным источником являются процентные распределения, приведённые в аналитическом брифе ИПЭИ [1]. Индивидуальный массив опроса, переменные на уровне респондента, веса и полная документация выборочного дизайна в распоряжении автора отсутствуют. Поэтому статья не воспроизводит кластерный или регрессионный анализ и не делает выводов о статистической значимости различий. Качественный и медиа-компоненты учитываются как часть дизайна исходного проекта и как контекст для интерпретации, но в настоящей работе не проводится повторное кодирование интервью или медиаматериалов.

Такое разграничение принципиально важно для валидности выводов. Доступные распределения позволяют описать масштабы социально-экономической неоднородности, выявить содержательно значимые асимметрии между измерениями интеграции и предложить аналитическую типологию. Однако они не позволяют оценить вероятность принадлежности конкретного респондента к типу, проверить взаимосвязи между признаками или установить причинные эффекты. Следовательно, предложенные профили следует понимать, как теоретически и эмпирически информированную модель, требующую последующей проверки на микроданных.

Операционализация и аналитическая стратегия

Интеграция операционализируется через пять измерений. Экономическое измерение включает доход и проблемы занятости, жилищное – устойчивость жилищной обеспеченности, социальное – роль родственников и ранее переселившихся кандастар, а также чувство локальной принадлежности, институциональное – доступ к услугам, взаимодействие с государственными механизмами и воспринимаемые административные барьеры, культурно-коммуникативное – языковые и религиозные границы повседневного взаимодействия. Субъективная адаптация рассматривается отдельно как самооценка сложности привыкания к новому месту и ощущение себя местным жителем.

Анализ проведён в три этапа. На первом этапе систематизированы распределения по мотивам переселения, выбору региона, доходу, образованию, жилью, проблемам и субъективной адаптации. На втором этапе сопоставлены измере-

ния, которые в агрегированных данных демонстрируют содержательную асимметрию, прежде всего высокую субъективную включённость при сохраняющейся материальной уязвимости. На третьем этапе построена матрица идеальных типов по двум основным осям – ресурсной устойчивости и степени социальной/субъективной включённости – с дополнительным учётом институциональных барьеров. Типы сформулированы методом аналитической типологизации, то есть логического конструирования устойчивых сочетаний признаков, а не статистического распределения респондентов по кластерам.

При интерпретации соблюдается принцип осторожности: проценты описывают ответы на отдельные вопросы и не могут суммироваться в индивидуальные индексы без доступа к первичным данным. Формулировки о механизмах – например, о роли сетей или регионального контекста – рассматриваются как обоснованные интерпретации, согласующиеся с теоретической рамкой и литературой, но не как доказанные причинные зависимости. Все результаты представлены в обезличенном агрегированном виде.

Результаты

Мотивы репатриации и логика выбора региона

Структура мотивов показывает, что репатриация сочетает символично-идентификационные, семейные и прагматические основания. Наиболее распространённым мотивом является возвращение на историческую родину – 62,21%. Воссоединение с семьёй и родственниками указали 36,7%, а стремление переехать в страну с более высоким уровнем жизни – 28,0%. Следовательно, решение о переселении нельзя свести ни к этнокультурной принадлежности, ни к экономической рациональности: эти основания сосуществуют и могут по-разному влиять на ожидания от жизни после переезда.

Таблица-1. Мотивы переезда этнических репатриантов в Казахстан, %

Мотив	Доля, %
Возвращение на историческую родину	62,21
Воссоединение с семьёй и родственниками	36,7
Переезд в страну с более высоким уровнем жизни	28,0
Ожидание поддержки на исторической родине	17,7
Дискриминация по языковому признаку	14,7
Недостаток перспектив для детей в стране исхода	13,6
Дискриминация по религиозному признаку	6,6
Дискриминация по этническому признаку	5,6

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Логика выбора региона ещё отчётливее демонстрирует значение социальных сетей. Родственные связи и наличие поддержки отметили 38,1% респондентов, помощь со стороны ранее переехавших кандастар – 14,4%. Государственные меры поддержки занимают второе место с 21,0%, тогда как возможности трудоустройства указали только 3,8%. Это не означает, что занятость несущественна, скорее, при первоначальном выборе территории достоверная поддержка семьи и знакомых воспринимается как более доступный способ снизить неопределённость, чем абстрактная оценка рынка труда.

Таблица-2. Критерии выбора региона проживания, %

Критерий	Доля, %
Родственные связи (наличие поддержки)	38,1
Государственные меры поддержки для кандастар	21,0
Помощь со стороны ранее переехавших кандастар	14,4
Климат региона проживания	9,0
Более привычная языковая среда	7,2
Перспективы для детей	4,4
Возможности трудоустройства (рынок труда)	3,8
Отсутствие выбора места переселения	1,6
Другое	0,5

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Сопоставление двух таблиц указывает на различие между мотивом переезда и механизмом практического обустройства. Символическая принадлежность задаёт направление миграции, тогда как конкретный выбор региона опирается на сети, способные предоставить жильё, информацию, помощь с документами и первые контакты на рынке труда. Социальный капитал в этой фазе выступает инфраструктурой первичной адаптации. Вместе с тем слабая ориентация на трудовые возможности создаёт риск последующего несоответствия между местом проживания и экономическими ресурсами территории.

Социально-экономическая дифференциация: доход, образование и жильё

Доходная структура демонстрирует выраженную концентрацию в нижних и средних интервалах. До 42 500 тенге на одного члена семьи получают 29,5% респондентов, ещё 34,4% находятся в интервале от 42 501 до 100 000 тенге. Совокупно 63,9% располагают доходом до 100 000 тенге на человека. Доля групп с доходом свыше 300 000 тенге составляет 3,3%. Даже с учётом временного контекста исследования 2021 года такое распределение указывает на значительную материальную уязвимость части домохозяйств и ограниченный запас устойчивости при росте цен, потере работы или необходимости оплачивать жильё.

Таблица-3. Распределение по уровню дохода в семье на одного человека, %

Доход на одного члена семьи	Доля, %
До 42 500 тенге	29,5
42 501–100 000 тенге	34,4
100 001–200 000 тенге	19,4
200 001–300 000 тенге	9,4
300 001–400 000 тенге	2,6
400 001 тенге и выше	0,7
Нет дохода	0,1
Затруднились ответить	3,9

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Образовательный профиль при этом нельзя охарактеризовать как однозначно низкий. Высшее образование имеют 32,6%, профессионально-техническое – 30,9%, среднее – 31,2%. Относительно равномерное распределение между тремя крупными группами означает, что материальная уязвимость не может объясняться только недостатком формального образования. Вероятными посредниками выступают признание квалификаций, соответствие специальности структуре регионального спроса, языковые требования, доступ к информации и качество профессиональных сетей.

Таблица-4. Уровень образования репатриантов, %

Уровень образования	Доля, %
Высшее	32,6
Среднее	31,2
Профессионально-техническое	30,9
Послевузовское	1,2
Нет образования	1,8
Отказ / нет ответа	2,3

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Жилищная обеспеченность усиливает картину региональной неоднородности. В опубликованном брифе более высокие показатели обеспеченности жильём зафиксированы в Шымкенте (87,0%), Туркестанской (85,0%), Кызылординской (81,0%), Жетысуской (79,1%) и Костанайской (76,2%) областях. Существенно более низкие значения отмечены в Мангистауской (31,4%), Западно-Казахстанской (44,0%) областях и Нур-Султане (47,5%) [1]. Разрыв не следует автоматически объяснять успешностью или неуспешностью самих переселенцев: стоимость жилья, структура населённых пунктов, сроки проживания и семейные стратегии

различаются. Однако данные убедительно показывают, что регион является не фоновым, а структурирующим условием интеграции.

Проблемное поле, институциональные барьеры и вторичная мобильность

Наиболее распространённые проблемы имеют материальный характер. Высокие цены на базовые продукты и низкий уровень доходов указали по 51,2% респондентов. Однако далее следуют ограничения, относящиеся к институтам и качеству доступа к возможностям: коррупционные практики – 18,3%, сложности трудоустройства по специальности – 14,4%, трудности получения медицинской помощи – 9,3%, жилищные трудности – 9,1%. Таким образом, уязвимость формируется не только недостатком денежных ресурсов, но и барьерами, снижающими способность конвертировать образование, опыт и правовой статус в устойчивое положение.

Таблица-5. Актуальные проблемы репатриантов, %

Проблема	Доля, %
Высокие цены на базовые продукты питания	51,2
Низкий уровень доходов (зарплаты, пенсии, пособия)	51,2
Ужесточение карантинных ограничений	28,7
Распространённость коррупционных практик	18,3
Сложности с трудоустройством по специальности	14,4
Вопросы статуса казахского языка	14,1
Экономическая нестабильность	11,8
Трудности с получением медицинской помощи	9,3
Жилищные трудности	9,1
Политическая нестабильность	8,6
Экологические проблемы	8,0
Семейные трудности	6,0

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Вторичная миграционная мобильность может рассматриваться как практический ответ на несоответствие первоначального места расселения потребностям домохозяйства. Среди причин переезда в другой регион чаще всего отмечаются стремление жить ближе к родственникам (36,7%), невозможность трудоустроиться (24,7%) и неудовлетворённость работой (22,0%), бытовые конфликты с местными жителями указали 12,6% [1]. Две логики – сетевая и экономическая – вновь переплетаются. Переезд к родственникам укрепляет поддерживающую среду, а трудовые мотивы отражают поиск более подходящей структуры возможностей. Поэтому вторичная мобильность является не только признаком неустойчивости, но и агентной стратегией корректировки интеграционной траектории.

Субъективная адаптация и локальная принадлежность

Субъективные оценки значительно позитивнее, чем показатели материальной ресурсности. 53,5% сообщили, что адаптация прошла легко и без заметных сложностей, 37,8% столкнулись с умеренными трудностями, но считают адаптацию завершённой. Только 4,8% указали, что им было очень сложно и до настоящего времени не удалось адаптироваться. Кроме того, 89,1% полностью или скорее согласны с утверждением, что чувствуют себя местными жителями. Эти данные свидетельствуют о высокой символической и повседневной включённости большинства опрошенных.

Таблица-6. Субъективная адаптация и локальная принадлежность, %

Индикатор	Категория	Доля, %
Трудность адаптации	Адаптация прошла легко, без заметных сложностей	53,5
	Были умеренные сложности, но адаптация завершена	37,8
	Было очень сложно, до сих пор не удалось адаптироваться	4,8
	Затруднились ответить	3,8
Чувствую себя местным жителем	Полностью согласен(на)	51,2
	Скорее согласен(на)	37,9
	Скорее не согласен(на)	6,7
	Категорически не согласен(на)	2,3
	Затруднились ответить	1,9

Источник: составлено автором по материалам ИПЭИ [1].

Ключевой аналитический результат возникает при сопоставлении субъективных оценок с доходной и проблемной структурой. Позитивное ощущение принадлежности не устраняет низких доходов, жилищной нестабильности и трудностей занятости. Следовательно, субъективная интеграция и социально-экономическая устойчивость развиваются с разной скоростью. Эту асимметрию нельзя трактовать как противоречие в ответах: человек может считать Казахстан своим домом и чувствовать себя частью локального сообщества, одновременно испытывая объективные ограничения на рынке труда или жилья.

Культурно-коммуникативные границы включённости

Языковые и религиозные вопросы присутствуют как в мотивации переезда, так и в повседневных оценках. Языковую дискриминацию в стране исхода назвали 14,7%, а вопросы статуса казахского языка включили в число актуальных проблем 14,1% [1]. При этом языковая близость исторической родине не исключает различий в речевых практиках, владении русским языком, профессиональной терминологии и институциональной коммуникации. Поэтому язык выступает одновременно ресурсом идентичности и возможным фильтром доступа к образованию, занятости и услугам.

Опубликованные результаты также фиксируют социальную дистанцию: 24,2% не готовы жить по соседству с представителями других религий, 15,7% – с людьми, говорящими на другом языке [1]. Эти показатели не позволяют сделать вывод о поведении конкретных групп, однако указывают, что интеграция включает не только принятие репатрианта местным сообществом, но и готовность самого репатрианта к взаимодействию в многообразной среде. Мостовые связи формируются через повторяющиеся практики совместного участия – образование, труд, соседские инициативы, общественные организации и локальные институты – а не только через информационные кампании [7, 13].

Аналитическая типология интеграционных профилей

Сопоставление результатов позволяет выделить четыре идеальных типа. Основанием служат не отдельные показатели, а их содержательные сочетания. Ресурсная устойчивость отражает доход, жильё и способность использовать образование на рынке труда. Субъективная и социальная включённость включает самооценку адаптации, локальную принадлежность и наличие поддерживающих связей. Институциональные барьеры выражаются в трудностях доступа к услугам, занятости по специальности и взаимодействия с организациями. Типы описывают логически возможные конфигурации и не обозначают статистически рассчитанные доли населения.

Таблица-7. Рабочая аналитическая типология интеграционных профилей кандастар

Профиль	Ресурсная позиция	Характер интеграции и основные риски	Приоритет поддержки
Ресурсно-устойчивый	Средняя или высокая устойчивость дохода и жилья, ресурсы конвертируются в занятость	Высокая субъективная включённость, барьеры ограничены, возможен переход от адаптации к общественному участию	Поддержка предпринимательства и профессионального роста, вовлечение в наставничество и локальные институты
Адаптированный при ограниченной ресурсности	Низкий или нестабильный доход, зависимость от семейной поддержки, жилищная уязвимость	Высокое чувство принадлежности при слабой экономической устойчивости, риск длительного закрепления в низкодоходном сегменте	Переобучение, формальная занятость, повышение доходной устойчивости, расширение мостовых связей
Экономически включённый при институциональных барьерах	Наличие занятости и дохода, но неполная отдача от квалификации	Трудности признания компетенций, доступа к услугам и взаимодействия с институтами, риск профессионального понижения	Признание квалификаций, прозрачные сервисы, профессиональная навигация, снижение административных барьеров
Уязвимый	Сочетание низкого дохода, жилищной нестабильности и слабой позиции на рынке труда	Адаптация затруднена, сети поддержки недостаточны или замкнуты, высок риск вторичной мобильности и исключения	Комплексное сопровождение: жильё, базовые услуги, социальная защита, трудоустройство и персональная навигация

Источник: авторская аналитическая типология, разработанная на основе агрегированных результатов [1] и теоретической рамки [2, 4–7].

Типология делает видимой принципиальную асимметрию интеграции. Один и тот же высокий показатель локальной принадлежности может характеризовать как ресурсно-устойчивую, так и материально уязвимую группу. Напротив, занятость не всегда означает полноценную интеграцию, если квалификация не признаётся, услуги труднодоступны или взаимодействие с институтами сопровождается высокими транзакционными издержками. Следовательно, универсальная программа поддержки, ориентированная на «среднего» репатрианта, неизбежно будет недостаточно точной.

Обсуждение

Многомерность и асинхронность интеграции

Полученные результаты подтверждают продуктивность многомерного понимания интеграции. Высокая доля респондентов, чувствующих себя местными жителями, не совпадает с долей материально устойчивых домохозяйств. В терминах модели Агер и Стрэнг это означает, что домены принадлежности и социальных связей могут развиваться быстрее, чем экономические «маркеры и средства» [2]. Подобная асинхронность особенно вероятна в ситуации этнической репатриации: символическое признание исторической родины и культурная близость поддерживают идентификационную включённость, но не отменяют структурных особенностей рынка труда, жилья и институтов.

Для измерения интеграции это имеет методологическое следствие. Ни субъективный вопрос «чувствуете ли вы себя местным жителем», ни отдельный показатель дохода не могут выступать исчерпывающим критерием. Мониторинг должен одновременно фиксировать материальные ресурсы, качество занятости, жилищную устойчивость, доступ к услугам, структуру социальных связей и субъективное благополучие. Иначе позитивные средние оценки будут скрывать группы, для которых принадлежность к обществу не сопровождается доступом к жизненным шансам.

Двойственная роль социального капитала

Родственные и земляческие сети являются центральным механизмом выбора региона и первичного обустройства. Этот вывод согласуется как с общей теорией социального капитала [4–7], так и с исследованиями казахстанских репатриантских организаций и семейных связей [10, 15]. Поддерживающая сеть снижает риски, предоставляет временное жильё, помогает ориентироваться в документах и сообщает о вакансиях. В условиях высокой неопределённости подобный ресурс рационален и часто незаменим.

Однако результаты также позволяют уточнить пределы сетевой поддержки. Если выбор региона преимущественно определяется родственниками, а не структурой занятости, первоначальная безопасность может сопровождаться последующим дефицитом экономических возможностей. Кроме того, замкнутые связывающие сети не всегда обеспечивают контакты с работодателями, профессиональными сообществами и институтами. Следовательно, эффективная политика не должна ослаблять семейную взаимопомощь, её задача – дополнить её мостовыми и вертикальными связями через карьерные сервисы, общественные

организации, местные сообщества и доступные каналы институциональной навигации.

Регион как среда конвертации ресурсов

Выраженные различия в жилищной обеспеченности, и вторичная мобильность показывают, что региональный контекст модифицирует интеграционные возможности. Регион не следует трактовать только как административную единицу или место выполнения квоты. Он представляет структуру возможностей, включающую стоимость жилья, плотность рынка труда, транспортную доступность, языковую среду, наличие образовательных и медицинских услуг, а также силу местных сетей. Поэтому одинаковые индивидуальные ресурсы могут приводить к различным результатам в разных территориях.

Вторичная мобильность в этой логике является механизмом исправления первоначального несоответствия. Переезд ближе к родственникам укрепляет социальную опору, а трудовые мотивы отражают поиск более эффективной конвертации квалификаций. Для демографической политики это создаёт дилемму: административно желательное расселение не будет устойчивым, если повседневная экономика территории не поддерживает закрепление. Следовательно, меры расселения должны сопровождаться предварительной оценкой квалификации, реальных вакансий, стоимости жилья и доступности услуг, а также возможностью добровольной корректировки маршрута.

Человеческий капитал и институциональные посредники

Сбалансированная образовательная структура при высокой доле низких доходов ставит вопрос об отдаче от человеческого капитала. Проблема может заключаться не в отсутствии образования, а в несоответствии специальности региональному спросу, непризнании документов, недостатке языковых компетенций для отдельных секторов или слабом доступе к профессиональным сетям. Сложности трудоустройства по специальности, отмеченные респондентами, поддерживают интерпретацию о возможном профессиональном понижении и неэффективном использовании квалификаций.

Здесь особенно важны посредники между человеком и институтом. Организации репатриантов, центры занятости, образовательные учреждения и местные НПО способны переводить формальные права в реально доступные услуги [10]. Адресная поддержка должна включать оценку навыков, признание квалификаций, краткосрочное дообучение, языковые модули для профессиональной коммуникации и сопровождение при поиске работы. Для экономически включённых, но институционально ограниченных групп приоритетом становится не социальная помощь как таковая, а снижение административных и информационных издержек.

Научный и практический смысл типологии

Предложенные профили не заменяют эмпирическую кластеризацию, но выполняют важную аналитическую функцию: показывают, почему одна универсальная шкала «успешности интеграции» вводит в заблуждение. Ресурсно-устойчивый и адаптированный при ограниченной ресурсности профили могут демонстрировать одинаково высокое чувство принадлежности, но требуют разных

решений. Экономически включённый при институциональных барьерах профиль может выглядеть благополучным по доходу, хотя сталкивается с непризнанием квалификации и ограниченным доступом к институтам. Уязвимый профиль требует одновременно материального и институционального сопровождения.

Практическая ценность типологии состоит в переходе от категориального принципа «все қандастар» к проблемно-профильному принципу. Единицей политики становится не юридический статус сам по себе, а конкретная конфигурация ресурсов и барьеров. Такой подход позволяет определить набор индикаторов для мониторинга, распределить функции между органами занятости, социальной защиты, образования и местного управления, а также избежать ситуации, когда одно ведомство реагирует только на часть взаимосвязанных проблем.

Ограничения исследования и направления дальнейшей работы

Главное ограничение связано с использованием агрегированных результатов. Отсутствие микроданных не позволяет проверить, какие признаки действительно сочетаются у одних и тех же респондентов, рассчитать статистические связи, контролировать социально-демографические факторы или оценить устойчивость предложенных профилей. Нельзя также определить долю каждого типа в совокупности. Поэтому типология имеет статус рабочей модели, а не завершённой классификации населения.

Второе ограничение относится к временной привязке: данные собраны в 2021 году и отражают социально-экономический контекст этого периода, включая карантинные ограничения. Для актуализации необходим повторный замер с сопоставимым инструментарием. Перспективный дизайн должен включать доступ к обезличенным микроданным, построение интегральных индексов по отдельным измерениям, кластерный анализ с проверкой устойчивости решений и мультиномиальную регрессию факторов принадлежности к профилям. Желательно также использовать многоуровневые модели, позволяющие разделить индивидуальные и региональные эффекты, и панельный компонент для анализа реальных переходов между профилями во времени.

Заключение

Исследование показывает, что социальная интеграция қандастар в Казахстане не является единым и линейным процессом. Её результаты формируются на пересечении человеческого капитала, социальных сетей, институционального доступа и региональной структуры возможностей. Идентификационный мотив возвращения доминирует в решении о репатриации, а выбор конкретного региона во многом опирается на родственников и ранее переселившихся қандастар. Социальный капитал тем самым снижает неопределённость первичной адаптации, но не гарантирует соответствия места проживания рынку труда и долгосрочной экономической устойчивости.

Социально-экономическая дифференциация выражается в концентрации большинства опрошенных в доходных группах до 100 000 тенге на человека, существенных региональных различиях жилищной обеспеченности и распространённости проблем стоимости жизни и низких доходов. При этом образовательная

структура не подтверждает упрощённого объяснения уязвимости исключительно низким уровнем образования. Более убедительной является интерпретация, связывающая результаты с неодинаковой конвертацией квалификаций, региональным спросом, языковыми требованиями и институциональными барьерами.

Наиболее значимый вывод состоит в асимметрии измерений интеграции. 89,1% респондентов полностью или скорее ощущают себя местными жителями, однако высокая субъективная включённость сосуществует с материальными ограничениями. Это означает, что символическая принадлежность может опережать экономическое закрепление. Поэтому оценка интеграции должна строиться на наборе взаимодополняющих индикаторов и не сводиться ни к самоощущению, ни к доходу.

Для систематизации неоднородности предложены четыре аналитических профиля: ресурсно-устойчивый, адаптированный при ограниченной ресурсности, экономически включённый при институциональных барьерах, уязвимый. Их научное значение состоит в переводе дискуссии от «среднего портрета» к анализу сочетаний ресурсов и дефицитов. Практическое значение заключается в возможности адресной настройки мер: от признания квалификаций и профессиональной навигации до комплексного сопровождения в сфере жилья, занятости и базовых услуг.

Дальнейшая проверка модели требует доступа к микроданным и повторного измерения. Статистическая верификация должна установить фактическое число профилей, их распространённость, устойчивость и региональные детерминанты. До такой проверки предложенная типология должна использоваться как концептуальная рамка для исследования и проектирования политики, а не как окончательная классификация каждого респондента.

Финансирование

Подготовка статьи выполнена на основе опубликованных материалов Института прикладных этнополитических исследований. Сведения об отдельном финансировании настоящей статьи не заявлены.

Список литературы

1. Институт прикладных этнополитических исследований. Социальная дифференциация репатриантов: бриф по результатам проекта [Электронный ресурс]. – Нур-Султан, 2021. – URL: <https://iaer.kz/ru/item/183-social-naa-differenciacia-repatriantov> (дата обращения: 06.03.2026).
2. Ager A., Strang A. Understanding integration: a conceptual framework // *Journal of Refugee Studies*. – 2008. – Vol. 21, No. 2. – P. 166–191. – DOI: 10.1093/jrs/fen016.
3. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – Vol. 46, No. 1. – P. 5–34. – DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x.
4. Bourdieu P. The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / ed. by J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.
5. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. – 1988. – Vol. 94. – P. S95–S120.
6. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24. – DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.

7. Putnam R.D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 541 p.
8. Castles S., de Haas H., Miller M.J. The age of migration: international population movements in the modern world. 5th ed. – New York: Guilford Press, 2013. – 401 p.
9. Diener A.C. Kazakhstan's kin state diaspora: settlement planning and the Oralman dilemma // *Europe-Asia Studies*. – 2005. – Vol. 57, No. 2. – P. 327–348. – DOI: 10.1080/09668130500052005.
10. Kaiser M., Beimenbetov S. The role of repatriate organisations in the integration of Kazakhstan's Oralmandar // *Europe-Asia Studies*. – 2020. – Vol. 72, No. 8. – P. 1403–1425. – DOI: 10.1080/09668136.2020.1779183.
11. Oka N. A note on ethnic return migration policy in Kazakhstan: changing priorities and a growing dilemma. IDE Discussion Paper No. 394. – Chiba: Institute of Developing Economies, JETRO, 2013.
12. Dukeyev B. Ethnic return migration in Kazakhstan: shifting state dynamics, changing media discourses. CAP Papers 183. – Washington, DC: Central Asia Program, 2017. – P. 1–11.
13. Дудинова Е., Негизбаева М., Турлаш Г. Позитивная коммуникация как технология адаптации мигрантов и кандас в Казахстане: аспекты межкультурной интеграции // *Вестник КазНУ. Серия журналистики*. – 2022. – Т. 65, № 3. – С. 58–67. – DOI: 10.26577/HJ.2022.v65.i3.06.
14. Шаримова М. Репатриация в Казахстане: актуальность терминологии и социальная адаптация (по результатам социологического исследования) // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. – 2024. – Т. 88, № 1. – С. 98–109. – DOI: 10.26577/JPoS.2024.v88.i1.08.
15. Zharkynbekova S., Tazhibayeva S., Shakhputova Z., Agabekova Z., Azamatova A., Kuzar Z. Transnational practices of Kazakh repatriates: the role of family in the adaptation of ethnic Kazakh students from Mongolia and China // *Frontiers in Sociology*. – 2024. – Vol. 9. – Article 1452785. – DOI: 10.3389/fsoc.2024.1452785.
16. Курганская В.Д., Шаукенова З.К., Дунаев В.Ю., Абрахматова Г.А. Репатрианты в Казахстане: анализ проблем интеграции в социологическом измерении // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2024. – № 4. – С. 67–90. – DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2576.
17. Saiyn Zh., Zhiyembayeva G., Zhumay N. Repatriates in Kazakhstan: adaptation and socio-cultural issues // *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*. – 2025. – Vol. 152, No. 3. – P. 268–283. – DOI: 10.32523/2616-6887-2025-152-3-268-283.
18. Yenseyeva V., Shedenova N., Finke P. Social practices of repatriate integration in Kazakhstan: the case of the Zhetysay region // *The Journal of Psychology and Sociology*. – 2026. – Vol. 97, No. 2. – P. 155–166. – DOI: 10.26577/JPoS202697212.

Transliteration

1. Institut prikladnykh etnopoliticheskikh issledovaniy. Sotsial'naya differentsiatsiya repatriantov: brif po rezul'tatam proekta [Social differentiation of repatriates: project results brief] [Elektronnyi resurs]. – Nur-Sultan, 2021. – URL: <https://iaer.kz/ru/item/183-social-naa-differenciatsiya-repatriantov> (data obrashcheniya: 06.03.2026). (in Russ.)
2. Ager A., Strang A. Understanding integration: a conceptual framework // *Journal of Refugee Studies*. – 2008. – Vol. 21, No. 2. – P. 166–191. – DOI: 10.1093/jrs/fen016. (in Engl.)
3. Berry J.W. Immigration, acculturation, and adaptation // *Applied Psychology: An International Review*. – 1997. – Vol. 46, No. 1. – P. 5–34. – DOI: 10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x. (in Engl.)

4. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258. (in Engl.)
5. Coleman J.S. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. – 1988. – Vol. 94. – P. S95–S120. (in Engl.)
6. Portes A. Social capital: its origins and applications in modern sociology // Annual Review of Sociology. – 1998. – Vol. 24. – P. 1–24. – DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1. (in Engl.)
7. Putnam R.D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 541 p. (in Engl.)
8. Castles S., de Haas H., Miller M.J. The age of migration: international population movements in the modern world. 5th ed. – New York: Guilford Press, 2013. – 401 p. (in Engl.)
9. Diener A.C. Kazakhstan's kin state diaspora: settlement planning and the Oralman dilemma // Europe-Asia Studies. – 2005. – Vol. 57, No. 2. – P. 327–348. – DOI: 10.1080/09668130500052005. (in Engl.)
10. Kaiser M., Beimenbetov S. The role of repatriate organisations in the integration of Kazakhstan's Oralmandar // Europe-Asia Studies. – 2020. – Vol. 72, No. 8. – P. 1403–1425. – DOI: 10.1080/09668136.2020.1779183. (in Engl.)
11. Oka N. A note on ethnic return migration policy in Kazakhstan: changing priorities and a growing dilemma. IDE Discussion Paper No. 394. – Chiba: Institute of Developing Economies, JETRO, 2013. (in Engl.)
12. Dukeyev B. Ethnic return migration in Kazakhstan: shifting state dynamics, changing media discourses. CAP Papers 183. – Washington, DC: Central Asia Program, 2017. – P. 1–11. (in Engl.)
13. Dudinova E., Negizbaeva M., Turlash G. Pozitivnaya kommunikatsiya kak tekhnologiya adaptatsii migrantov i kandas v Kazakhstane: aspekty mezhkul'turnoi integratsii [Positive communication as adaptation technology for migrants and kandas in Kazakhstan: aspects of intercultural integration] // Vestnik KazNU. Seriya zhurnalistiki. – 2022. – Vol. 65, No. 3. – P. 58–67. – DOI: 10.26577/HJ.2022.v65.i3.06. (in Russ.)
14. Sharimova M. Repatriatsiya v Kazakhstane: aktual'nost' terminologii i sotsial'naya adaptatsiya (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Repatriation in Kazakhstan: relevance of terminology and social adaptation] // Vestnik KazNU. Seriya psikhologii i sotsiologii. – 2024. – Vol. 88, No. 1. – P. 98–109. – DOI: 10.26577/JPoS.2024.v88.i1.08. (in Russ.)
15. Zharkynbekova S., Tazhibayeva S., Shakhputova Z., Agabekova Z., Azamatova A., Kuzar Z. Transnational practices of Kazakh repatriates: the role of family in the adaptation of ethnic Kazakh students from Mongolia and China // Frontiers in Sociology. – 2024. – Vol. 9. – Article 1452785. – DOI: 10.3389/fsoc.2024.1452785. (in Engl.)
16. Kurganskaya V.D., Shaukenova Z.K., Dunaev V.Yu., Abrakhmatova G.A. Repatrianty v Kazakhstane: analiz problem integratsii v sotsiologicheskom izmerenii [Repatriates in Kazakhstan: problems of integration in the sociological dimension] // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2024. – No. 4. – P. 67–90. – DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2576. (in Russ.)
17. Saiyn Zh., Zhiyembayeva G., Zhumay N. Repatriates in Kazakhstan: adaptation and socio-cultural issues // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 2025. – Vol. 152, No. 3. – P. 268–283. – DOI: 10.32523/2616-6887-2025-152-3-268-283. (in Engl.)
18. Yenseyeva V., Shedenova N., Finke P. Social practices of repatriate integration in Kazakhstan: the case of the Zhetysay region // The Journal of Psychology and Sociology. – 2026. – Vol. 97, No. 2. – P. 155–166. – DOI: 10.26577/JPoS202697212. (in Eng.)

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors

Ермекбаева Жанар Канатовна	Главный менеджер Центра изучения проблем ксенофобии, Институт прикладных этнополитических исследований, Астана, Казахстан, магистр социальных наук (политология), e-mail: zhanar1721@gmail.com, контактный телефон: 87712745222
Ермекбаева Жанар Қанатқызы	Қолданбалы этносаяси зерттеулер институты ксенофобия мәселелерін зерттеу орталығының бас менеджері, Астана, Қазақстан, әлеуметтік ғылымдар магистрі (саясаттану), e-mail: zhanar1721@gmail.com, байланыс телефоны: +7 771 274 52 22
Zhanar Kanatovna Yermekbayeva	Chief manager of the center for the study of xenophobia, Institute of applied ethnopolitical research, Astana, Kazakhstan, Master of Social Sciences in Political Science, e-mail: zhanar1721@gmail.com, contact phone: +7 771 274 52 22